

## УМЫСЕЛ КАК ФОРМА ВИНЫ ПО СТАТУТУ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1588 г.

*М. П. Простакова*

*Академия МВД Республики Беларусь*

Учение о вине является одной из важнейших составляющих теории уголовного права. Для более глубокого понимания такого правового явления, как вина, необходимо рассмотреть его эволюцию.

В уголовном праве времен древних белорусских княжеств и ВКЛ не было точного определения форм вины. Статут 1588 г. предусматривал, что преступления могут совершаться умышленно либо неумышленно, но в то же время законодатель не давал четкого определения понятия этих форм вины. Для их обозначения использовались термины «умысьне» и «неумысьне». Как утверждал И. А. Малиновский, эти термины «употреблялись как название общеизвестных понятий». Только проанализировав некоторые виды и составы преступлений и сославшись на указанные признаки в Статутах, можно получить полное представление о формах вины в понимании законодателей ВКЛ XVI в.

В умышленных преступлениях законодатели выделяют два элемента: интеллектуальный – осознание противоправности преступного деяния, и волевой – желание («хотение») совершить такое деяние.

И. А. Малиновский отмечал, что «деятельность преступника в умышленном деянии есть деятельность сознательная», т. е. предполагает осознание противоправности своего преступного деяния лицом, совершающим преступление. Вторым элементом умысла он выделяет «хотение». В него входят мотив, цель, план преступного деяния и намерение. Мотив не оказывает влияния на степень общественной опасности и наказуемости деяния, но если он будет установлен, то все преступное деяние признается умышленным. Т. И. Довнар пишет: «Закон считает цель преступления обязательным признаком криминального деяния, совершенного с прямым умыслом». В соответствии со ст. 8 раздела XI Статута 1588 г. убийство сестры или брата признается преступлением умышленным исходя из его корыстной цели («забилъ в надею имен[ь]я або маетности рухомое»).

План преступного деяния, который в то время был включен в субъективную сторону преступления и имел большое значение для классификации преступных деяний, в том числе преступлений против собственности, мог, однако, говорить и о неумышленном преступлении. Например: «если бы хто с прыгоды, а не с хути, не з вазни, але з неведомости» (Статут 1588 г., р. XI, ст. 23). Еще одним значимым элементом «хотения» является намерение,

которое играет определяющую роль при квалификации преступного деяния.

Умышленными преступлениями априори законодателями ВКЛ признаются: убийства, изнасилования, кражи, государственные преступления. Убийство («забитье», «забойство», «мужбойство») – тот вид преступления, который описан в Статуте 1588 г. в более полном объеме по сравнению с иными видами преступных деяний. Убийством считалось *«лишение жизни лица, пользующегося покровительством закона»*, хотя не все население ВКЛ находилось под защитой закона. Самым тяжелым видом убийства было убийство своих родителей. Лишение жизни отца или матери могло быть совершено лишь при наличии умысла. Так, статья 7 раздела XI гласит *«кґды бы сынъ або дочка отца або матку свою умыслне, зъ якое запаметалости забиль и якимъ колвекъ обычаем родича своего о горло приправиль, тоґды таковой... маеть бытъи каран...»*. В данном случае субъективная сторона убийства выражена в форме умысла («умыслне забиль»), при этом правоприменителем не учитывается способ совершения преступления.

Таким образом, проанализировав нормативные акты XVI в. и научные труды по проблемам уголовного права ВКЛ, мы можем утверждать, что законодатели ВКЛ признавали умышленными преступлениями те деяния, противоправность которых осознавалась преступниками и наступление последствий которых было ими желаемо, хотя теоретической разработки понятия умысла в праве ВКЛ не существовало.